

Ирина КРАЙНОВА

Хождение за четыре ж/д

Диплом надо сначала завоевать, а потом еще и умудриться получить. Непрост был мой путь за дипломом Международного литературного конкурса "Есть город, который мне снится во сне" в Одессу, в сорокаградусную жару нынешнего лета. За неделю — четырьмя железными дорогами, туда и обратно.

Я почти опоздала

Если честно, ехать я хотела, но больше не хотела, ибо ехать было не к кому, не на что, да и не на чем. Одесская моя подруга уехала в отпуск, а тут неожиданно пришло известие о моем лауреатстве. Но как-то все "рассосалось": предложила остановиться у нее другая однокурсница (с которой мы не виделись почти 30 лет), мои дети, собиравшие мне деньги на кондиционер, быстро убедили маму, что ни к чему покупать его на исходе жары, а дефицитные летом билеты (на 4 поезда через Москву) в московском агентстве доставила влиятельная саратовская подруга.

Тут у меня как раз случилось ОРЗ, с кашлем и бессонными ночами (особенно приятными в жару). Легко решив никуда вообще не ехать, я позвонила в Москву, отказавшись от заказанных с таким трудом билетов, и отключила все телефоны, дабы немного вздремнуть. Но энергии моей саратовской подруги хватило бы на трех таких, как я. Налетев мощным торнадо, она в пять секунд убедила меня, что ехать мне просто необходимо. И как я буду потом страшно всю жизнь жалеть, если не поеду. Попробуй поспорь со стихией! Я дрогнула и покорила.

Четвертая часть моего пути на историческую родину проходит почти гладко: 1) я не опоздала на поезд, что со мной частенько случалось в былые годы, 2) не забыла дома деньги, билеты и документы, что тоже бывало и отчего мое дальнейшее путешествие потянуло бы всякий смысл. Мне лихорадочно везло, как начинающему картежнику, и я быстро сменяла тройным обменом верхнюю полку на нижнюю еще до отхода поезда (ввиду проблемных ног утаила факт "верхнего" билета от своих сыновей).

Поскольку все рейсы через Москву у меня неудобные, ранние (обратный поезд вообще приходил в четыре утра), старший ребенок встретил меня и привез к себе домой, где я помылась, поела, полежала и... совершенно расслабилась, потеряв бдительность. Кое-как забрела в продуктовый магазин, медленно-медленно ползя в сторону метро. Встретив по дороге симпатичные разноцветные маечки, принялась их примерять. Потом я немного подождала сдачу, потом недолго постояла в очереди за проездным в метро...

Очнувшись от расслабляющей эйфории где-то на эскалаторе, в который раз поняла, что Москва — город большой, куда больше, чем мне хотелось бы, а метро, хоть и быстрый вид транспорта, телепортироваться по воздуху еще не научилось. Киевский вокзал оказался гораздо дальше, чем я рассчитывала, и в камеру хранения я вбежала уже на голых нервах. Со сдавленным криком: "Мой поезд уходит!" — растолкала всех и ринулась на перрон, позабыв о своих проблемных ногах. Силы мои полностью закончились у хвоста вагона. Слабым голосом прошу его проводника взглянуть, какой мой вагон. К счастью, он оказался замыкающим. До отхода поезда оставалось чуть больше пяти минут.

Это был единственный купейный на моем нелегком пути. Пятеро пассажиров на весь вагон — с ласкающим слух родным говорком, отдаленное купе, кондишн. Только вот полка оказалась очень уж узкой. Что ж делать, сэкономили, наверное, на ширине — зато так просторнее. Постепенно методом проб и ошибок (давненько не шиковала я в купейных!) выяснила, что в верхней части моего диванчика имеется вешалка, рядом — закрытая ниша для ручной сумки. Я даже полежала немного на этой по-солдатски узкой полке, пока не поняла, наконец, что она тоже раскладывается. Темнота деревенская!..

...потом опередила Галю

Мы не совпадали с подругой на один день (она приезжала назавтра), и я заранее заказала номер в капсуле, понятия не имея, что сие означает. Капсулы пришли к нам из Юго-Восточной Азии, это крошечный номер с туалетом, мини-умывальником, душем, телевизором и койкой — всё на одном пятчке. Умывальник тут же залил водой весь пол моего номера, но в остальном, прекрасная маркиза... Да, еще расположение гостинички с громким названием ("Токио стар") аккумулятор между двумя значными местами — вокзалом и "Привозом" — наводило на разные

мысли. "Надо бы вернуться засветло", — кажется, это последняя ясная мысль, которая посетила меня по дороге к морю. Увидев с обрыва просторы одесского моря, забыла обо всем на свете.

5 часов я провела в родной Отраде, где цвет воды в глазах превращался из тускло-серого в густо-зеленый. Так ведь и небо надо мной вдруг распустило себе широкую и глубокую синюю полосу среди облаков. Поднявшись к вечеру на родимую улицу Белинского, уютно устроилась перед опереттой с йогуртом и мороженым (какая еще еда в такой духоте?). Тут народ повалил из театра — был антракт. Надо быть полной дурой, чтоб не использовать этот шанс. И вот я уже в театре, с непроницаемым видом прошла мимо охранника. Бегло оглядев интерьер, похожий на все интерьеры театров последних советских лет (разве что чеканки и металла побольше), нагло сажусь к сцене поближе. Я сильно пострадала за свою беспардонность. Из центра зала уйти было нелегко, хотя вскоре очень даже захотелось.

Сначала все шло хорошо, на сцене разыгрывалась довольно сентиментальная американская история о брошенных женами и оставшихся без работы "настоящих мужиках". Те, желая доказать, что они чего-то стоят, решили показать... мужской стриптиз. Я надеялась, что на этой скользкой теме знаменитая одесская оперетта, соперничавшая с московской в лучшие свои годы (а по яркости актерской игры, по количеству талантов на один квадратный метр сцены порой ее превосходящая), не поскользнется, вырлится своими, чисто театральными средствами. Увы, ружье, курок которого взвели еще в начале пьесы, довольно бесцеремонно и грубо выстрелило к финалу. Разговоры о голых задах (в американском варианте звучит еще грубее) закончились их всеобщей демонстрацией, независимо от возраста, строения тела и качества демонстрируемого предмета. Зал, битком набитый молодежью и малолетками, вылет от восторга. Наверное, это был неплохой стриптиз — я слабо в нем разбираюсь. Но при чем здесь, простите, театр, одесская школа музыкальной комедии имени Миши Водяного?

Новый мой одесский день был полон не менее крепких сюрпризов. Моя подруга Галя, преподавательница техникума, оказалась не шатенкой с короткой стрижкой, а блондинкой с красивым, длинным, жестким рисунком каре. Но я ее вычислила. Неожиданной для меня было то, что жила она, оказывается, почти что в Вороньей слободке. Слободка, конечно, настоящая (в романе двух великих одесситов та куда более смачная), благообразная, с бесконечной мраморной лестницей, стеклянным окошком в крыше и бесчетными рядами квартир. К некоторым еще вела деревянная лестница, как из моих "коммунальных снов".

...совпала с ней по фазе

Большую часть времени мы с Галей проводили в странствиях по Одессе. Она совсем не изменилась за эти годы (Галя — не Одесса), оставшись такой же легкой, простой и веселой в общении, немного хулиганкой, как в студенческие годы. Море — это святое, туда мы ходили ежедневно. Галя — загорать и купаться, а я — в основном смотреть, впитывать его изменчивую красу. Можно, не уставая, наблюдать за жизнью берега. Вот пара одесских толстунов чинно бредет вдоль кромки воды, не торопясь окунуть пышные телеса в бурные волны. На детском пляже — вселенский съезд колясок. Малютки мирно в них почивают, мамочки точат язычки. Вот пловец выловил огромную медузу и гордо выносит ее в обеих руках, не подозревая, что ожог от нее может быть весьма и весьма ощутимым.

Ко мне прибилась маленькая рыжая собачка, даже втиснувшись на краешек моего парео. Странно, что она все ко мне льнет, я же никого не приманиваю! Крепкая на вид смуглая пляжная девочка обидчиво поджала губы: "Я ее уже совсем приручила, что ж она к вам идет?!" Помогаю девочке отогнать от себя собачку, та гонит ее легкими толчками.

— Э, так не пойдет! Принеси ей что-нибудь поесть.

На баранку умный песик реагирует слабо. — А ты разломай и положи кусочек рядом. Ключнул! Всему эту молодежь надо учить... Еще мы ходили в "Театр на чайной" (фабрика — бывшей), самый знаменитый в Одессе, где одаренный молодой коллектив режиссеров и актеров развивал мои сомнения в профессионализме одесских театров после того дикого ужаса в театре имени Миши Водяного (бедный Миша, наверное, до сих пор ворочается в гробу). Так тонко, легко и глубоко поставить пьесу Аллы Соколовой "Люди, звери, баяны" не смог ни один из российских театров.

Были мы и у однокурсника — Игоря Любинского, научного сотрудника краеведческого музея. Он стал превосходным знатоком Одессы и провел блестящую экскурсию по экспозиции, которая помогла мне, наконец, разобраться в бесчисленных царских генералах иностранного происхождения, которые так много сделали для становления города и края. Заглянули мы и во внутренний дворик музея — бывшего особняка известного промышленника Новикова, где приятно освежает воздух типичный одесский фонтан с позеленевшими от сырости камнями и скрывается за деревьями бюст той, по чьему указу основали сей чудный град.

Памятник Екатерине Великой от гнева народных масс когда-то схоронили во дворе музея. Уцелели только скульптуры верных ей генералов и самая верхняя часть фигуры императрицы. Сейчас памятник полностью восстановили и воздвигли там, где стоял ему и положено — на Екатерининской площади. Первоначальная же голова ее величества благополучно пребывает в музейном садике.

Если вы думаете, что всяческие курьезы перестали со мной происходить в другие мои одесские дни, то глубоко ошибаетесь... Или плохо меня знаете. Решив взглянуть на мою бывшую квартиру на Белинского, в которой теперь элитный банк, мы с Галей отважно двинулись внутрь нее, несмотря на всякие предупреждающие надписи. Спортивного вида молодой человек сразу же преградил нам дорогу. "Мы тут жили, хотелось бы взглянуть", — слабо писнула я, вмиг оробев. У молодого человека явно что-то было со слухом. Слышал он только себя: "Это элитный банк для vip-персон. Вы клиенты банка? Это элитный банк..." — повторял он, как заведенная пластинка. В конце концов, нам пришлось ретироваться. Нет, прожить полжизни в этой коммуналке с осевшим паркетом, я так и не удостоилась чести стать vip-персоной, тем более — для такого элитного банка!

Веселые одесские таксисты вместо исчерпывающего ответа пригласили прокатиться бесплатно, но мы пока еще в таком возрасте, что рискованно пускаться в ночные авантюры. И вдруг почти на автопилоте вспоминаю, что родной троллейбус ходил вроде на улице Льва Толстого. То, что нужно. Дома и стены подкашивают. И мы счастливо избежали чечевки где-нибудь на лавочке в парке Шевченко.

В другой раз я необдуманно прыгнула в микроавтобус с маршрутом Лузанока — Аркадия, увлекая за собой Галю, справедливо полагая, что на какой-нибудь из двух пляжей мы точно попадем. Вопрос только, когда. В Аркадию, например, мы пилили почти час (вместо 15 минут), через все городские новостройки. Заучив наизусть номер "опасного" маршрута, совершили новую оплошность: пересидели на пляже до полной темноты. Фантастически рыжая луна проложила золотистую морскую дорожку, которую никак не удавалось сфотографировать, мы прожигали жизнь на открытой веранде ресторана. Прикончив ароматную скумбрию, пустились, наконец, в обратный путь, попав в полосу сплошного мрака. Наши попытки выбраться на свет привели к непонятному строению, где вполне могли пребывать злые сторожевые псы.

Наконец, мой испуганный ум стал проявляться, я поняла, что надо идти строго вверх, тогда мы точно пересечем знаменитую одесскую Трассу здоровья, которая опоясывает берег (и где мы так славно катались днем на электромобиле). Выбрались! Не обошлось, верно, без моего ангела-хранителя, который так сильно удерживал меня от этой во многом авантюрной поездки в Одессу. И когда ему не удалось побороть мое ослиное упрямство, помогал уж, чем мог.

...погуляла на славу

Мы продолжали прожигать жизнь, следующим объектом стала "Шоколадница" из Львова, перенесенная на Дерибасовскую во всей своей красе, вместе с оборудованием и очаровательным персоналом. Девушки в изящных коричневых платьицах и белых фартучках были похожи на старорежимных гимназисток. Горячий шоколад со сливками и с палочкой корицы на дне чашечки пах божественно и стоило... соответственно.

Больше всего "оторваться" в зланных заведениях нам захотелось после моего награждения дипломом. Не тут-то было. В тот день в Одессе случилось небывалое происшествие. Света не было 12 часов — с 6 утра до 6 вечера. Не работали рестораны, один за другим закрывались магазины. Поговаривали о "русской электродиверсии". Но нам удалось найти ресторанчик, где предусмотрительно приготовили блюда на газовой плите. Причем — прямо на Дерибасовской. Это ресторан с моей любимой украинской кухней.

Отсутствие электричества сказалося и на церемонии награждения. Лауреатов! Междуна-

родного литературного конкурса "Есть город, который я вижу во сне..." (проводился общественной организацией "Агентство регионального развития" при поддержке Всемирного клуба одесситов и Объединения русских литераторов Америки, в рамках XVI Международной книжной выставки-ярмарки "Зеленая волна") награждали в большом белом шатре на углу Дерибасовской и Преображенской. Среди выставки Пиросмани, после многих презентаций умных и остроумных (!) книжек одесситов и "за Одессу". Средства озвучивания и охлаждения, ясное дело, не работали, все было довольно вареные из-за сильной жары, но прошла церемония тепло и сердечно.

...и, наконец, нашла своих

Вручал дипломы главный редактор газеты "Всемирные одесские новости", сопредседатель жюри конкурса Евгений Голубовский. Он выразил надежду, что конкурсы в рамках книжной ярмарки — 16-й по счету — станут регулярными и поспособствуют объединению одесситов всех стран. Тут я, конечно, не удержалась, чтобы не вылезти с ответным словом (хотя и сильно себя при том шипала): "Великий город, великая литература, великие традиции. Я — одесситка в пятом поколении. Коренные одесситы знают, что это значит. И очень благодарна..."

После награждения мы с подругой подошли к Евгению Михайловичу — выразить свое восхищение его энтузиазмом и эрудицией (Галя не раз консультировалась у него, когда работала в архиве), и она зачем-то принялась называть мои саратовские журналистские титулы. "Для Одессы они пустой звук, пока тебя не примут здесь", — прервала ее я. Евгений Михайлович понимающе улыбнулся и согласен кивнул. Нас узнала и признала сама Одесса — вот это высший пилотаж!

По материалам конкурса издан спецвыпуск "Всемирных одесских новостей". Нам торжественно вручали газеты с нашими рассказами и стихами и книгу "Одесский альманах" с манящим названием "Дерибасовская-Ришельевская". Поэты-лауреаты читали собственные вирши. Известно, что уговаривать поэтов читать стихи не надо.

Весьма актуально при уже привычных одесских сорока градусах прозвучали строки седобородого джентльмена, сильно смахивающего на основоположника "призрака коммунизма": "С утра жара, бунтует Цельсий//И Фаренгейт.//Термометр врет!.. Я поднял ввысь волну света//и сброшен вниз, в живую тьму.//О, слава свету, слава зною!//Крепче жарой. Крепче бедой./Я — как картошка под золою — //испекся. В шкурке золотой". Хорошей поэзии было много, но эти стихи мне особенно понравились, и я сказала автору после торжественной части: "Вы хоть и похожи на Карла Маркса, стихи ваши очень даже впечатляют". Не прореагировав на мое откровенное нахальство, "Маркс" спросил с достоинством правящего монарха: "И вы не слышали моих стихов раньше?" — "Нет, чтобы да". Мое невежество оправдывает только то, что я давно не живу в Одессе. Это был известный поэт Илья Рейдерман. Он милостиво меня простил.

Написавшая хороший и немного загадочный рассказ лауреат Галина Федеева раздала стихотворную книжечку "Маги Приморского бульвара". Надпись она сделала символическую: "Ирине в момент всеобщего триумфа". Это действительно был всеобщий триумф. Города, моря, юмора. 25 лауреатов (из них — 12 поэтов). Все — влюбленные в свой насквозь пропитанный морем, солнцем и юмором город.

Нас нашел и объединил Всемирный клуб одесситов. Ну какая столица мира может похвастаться такой бешеной популярностью среди своих бывших жителей? Одесса может.

Жалко, не все смогли приехать на вручение, не со всеми успела я пообщаться. Но именно в том белом шатре я вдруг поняла: несмотря на дикую жару этих дней, на загадочное отсутствие света весь день, на запугивание нас надвигающимся штормом, на жуткие, давно списанные плацкарты, набитые пассажирами, как ветхая лачуга тараканами (в которых я совершила свои вхождение и исход из Одессы), приехала я сюда не зря. За те минуты всеобщего единения — на почве любви к нашей красавице Одессе — "за это можно всё отдать". Как бы ни были мы оторваны от нее, как бы ни чувствовали себя порой одиночками в этом холодном мире... Мы узнали, увидели, что таких, как мы, много, мы — везде. Мы — народ, новая раса, одессоидная, одесситная — или как это сказать полагозвучнее? И вместе мы — сила. Потому что мама Одесса любит и помнит всех нас, далеких и близких.